

На следующий день, еще до рассвета, Сэ Чанмин покинул постоянный двор. Вскочив в седло, он проверил груз: по обе стороны крупа покачивались холщовые мешки, набитые кудахчущими курами. Проезжая мимо утреннего базара, он прихватил еще и кулек кедровых орехов — лучшую приманку для глупой птицы.

«Конечно, кормить Сэ Сяоци обычными орехами — это почти кощунство, — усмехнулся про себя Чанмин. — Вот поймаю этого паршивца, тогда и побалую спелыми сладкими фруктами».

За следующие три дня он прочесал тринадцать бесплодных круч и восемь озер в округе, но поисковый массив упорно молчал, не давая ни малейшего отклика.

К исходу третьего дня Чанмин, ведя лошадь под уздцы, спустился к подножию очередного холма. При тусклом свете угасающего заката он еще раз сверился с картой. Сомнений не оставалось: в этих краях искать больше нечего.

Сейчас он находился в государстве Чжоу — теплом, обласканном солнцем краю на самом юге Облачного континента. Сяо Тумао от рождения не отличался густым оперением, рос хилым и люто ненавидел зимнюю стужу, так что на север, в царство вечного льда, он бы точно не подался. Значит, держать путь нужно было еще дальше на юг. Сам по себе Юньчжоу — континент холодный, и лишь у границ с Ичжоу климат становился мягче. Стоит пересечь рубежи Чжоу, и до Ичжоу будет рукой подать.

Поднебесная делилась на четыре великих континента. Три из них — Юньчжоу, Ичжоу и Восточный континент — граничили друг с другом по суше, тогда как далекий Линчжоу лежал посреди бескрайнего океана, и добраться туда можно было лишь на кораблях.

Чанмин решил для начала наведаться в Ичжоу. Если и там поиски не увенчаются успехом, придется держать путь на Восточный континент. Дунчжоу по праву считался самым процветающим краем поднебесной: земля там буквально дышала силой, пронизанная бесчисленными духовными жилами, и любая мало-мальски приличная школа владела собственной благодатной обителью. Сам Чанмин бывал там редко. В своей первой жизни он почти не покидал пределов Юньчжоу, а после бежал за море, укрывшись в Линчжоу. Вторая же его жизнь прошла под знаменем демонического пути, и соваться на Восточный континент в облике владыки демонов было затеей глупой — праведники сочли бы это за прямую и дерзкую угрозу.

Время шло, день сменялся ночью. Месяц спустя Чанмин уже забросил верховую езду — его духовные силы восстановились настолько, что позволяли парить в небесах.

Обычно практики, достигшие стадии Создания Основания, когда духовная энергия впервые наполняет меридианы, способны совершать короткие перелеты, поймав попутный ветер. Однако мало кто решался на это. Для простых смертных стадия Создания Основания казалась недостижимой высотой, уделом полубогов, но на истинном пути самосовершенствования она была лишь робким первым шагом. Запаса сил в неокрепших меридианах едва хватало на короткий бросок, а безумная трата энергии грозила полным истощением и, что куда страшнее,

искажением ци и падением во тьму.

Если бы кто-то узнал, что Чанмин летит дни и ночи напролет, без остановки выкачивая духовную энергию прямо из окружающего пространства и мгновенно пуская ее в дело, его непременно сочли бы безумцем. Ни один нормальный практик не осмелился бы на подобное кощунство над собственным телом.

Да и не смог бы при всем желании. Искони праведный путь и демоническое учение исключали друг друга. Идущий по стезе Дао еще мог оступиться и пасть в бездну порока, но для ступившего на путь тьмы обратной дороги не существовало. И лишь Чанмин, познавший в прошлых жизнях и свет, и непроглядный мрак, ухитрился повернуть вспять и снова начать восхождение к истинному Дао.

Сам Чанмин не видел в демоническом искусстве ничего дурного. Разумеется, когда великие мастера предавали свет и падали во тьму, им требовались кровавые жертвы тысяч невинных душ, чтобы прорубить барьер и открыть проход в Царство демонов. Но Чанмину с его нынешними силами подобные зверства не требовались. Ему было достаточно принести искреннюю клятву, окропить землю кровью ладони, безымянного пальца и самого сердца, а затем начертить простейший призывной массив — и врата Моцзе распахнулись бы перед ним в любом месте.

Однако всем известно: в Царстве демонов есть небо, но нет истинного Дао. А поскольку Чанмин твердо вознамерился поквитаться с самим Небесным Дао, праведный путь подходил для этого куда лучше.

Впрочем, даже среди приверженцев Дао не было равенства. Смертные делили мир на государства, а заклинатели мерили его континентами. И в любом собрании, где велись возвышенные беседы о сути бытия, выходцы с Восточного континента неизменно держались с наибольшим апломбом и почетом.

Тот же Юньчжоу, затерянный на задворках мира, не мог похвастаться ни обилием благодатных земель, ни густой духовной энергией. Желающих посвятить себя самосовершенствованию здесь рождалось мало. Но все же они были.

Заклятым врагом Чанмина в его первой жизни была как раз крупнейшая школа Облачного континента — Школа Десяти Тысяч Дхарм.

Ваньфамэнь раскинулась на границе Юньчжоу и Ичжоу, сокрытая в недрах Горы Бессмертного Пламени. Окруженная плотной пеленой клубящихся туманов и хитроумными защитными барьерами, она оставалась неприступной для чужаков. Школа существовала чуть больше трех сотен лет. Не сумев отвоевать истинно благодатный край, основатели заложили обитель на довольно скудной духовной жиле. По всем законам Ваньфамэнь должна была влачить жалкое существование, но вопреки логике процветала, а ее адепты никогда не знали недостатка в редких пилюлях и превосходном оружии.

Секрет этого баснословного богатства крылся в двух промыслах. Грязных, жутких и невероятно прибыльных.

Первый — производство «человеческих пилюль». Название говорило само за себя: в ход шла живая, еще теплая кровь, сердца, печень, селезенки, глаза и разум несчастных жертв. Все это смешивалось с редкими травами и переплавлялось в крошечные шарики на огне из человеческих костей. Истинные праведники брезговали подобным зельем, страшась навлечь на себя тяжелейшую карму. Ведь под таким бременем преодолеть небесное испытание становилось невозможно, и вместо прорыва практика ждало неминуемое и жестокое наказание свыше. Но спрос со стороны тех, кто отчаялся продвинуться иным путем, превосходил все мыслимые пределы.

Вторым же источником дохода служила торговля живыми «сосудами» для парного совершенствования.

Верховные адепты Школы Десяти Тысяч Дхарм рыскали по самым глухим и нищим уголкам Юньчжоу, заманивая крестьянских детей обещаниями вечной жизни и величия. На Горе Бессмертного Пламени новичков безжалостно сортировали. Тех, кто обладал худшими способностями, пичкали варварскими снадобьями: эти зелья выжигали каналы ци, но взамен давали стремительный, хоть и фальшивый рост сил. Как только живое сырье достигало пика стадии Очищения Ци, его отправляли прямиком в плавильные печи. Более симпатичных и одаренных затворяли на заднем пике, обучая тайным техникам парного совершенствования, чтобы по достижении зрелости выгодно продать богатым покупателям.

В своей первой жизни Чанмин сам был одним из учеников этой проклятой школы. Там же он нажил врагов, с которыми поклялся драться до последнего вздоха. Очнувшись во второй жизни на самом дне Бездны, он, едва помня себя, ринулся в Царство демонов с единственной мыслью — мстить. Теперь шла его третья жизнь. Все былые обиды и долги крови были сполна уплачены еще в прошлом перерождении.

И все же дорога из Юньчжоу в Ичжоу пролежала мимо Горы Бессмертного Пламени. Чанмин немного поразмыслил, скользнул вниз сквозь прорехи в облаках и приземлился неподалеку от сонного приграничного городка, где тут же купил старого, упрямого осла.

«Два дня задержки погоды не сделают, — рассудил он. — Сяо Тумао со своими куцыми крылышками все равно далеко улететь не мог».

На дворе стоял пятнадцатый год девиза правления Цинъюань великой династии Чжоу — пошел третий год с тех пор, как Чанмин очнулся в этом мире.

В шестом месяце лето уже вовсю вступало в свои права, однако в Городе Малого Моря на Восточном континенте круглый год царила весна. Вдоль мостовых пышно цвели персиковые деревья, в воздухе кружился легкий тополиный пух, а по улицам лениво текли пестрые толпы

горожан и приезжих.

Чанмин остановился на постоялом дворе «Уютная гавань». Заведением заправляли обычные смертные, но плату с постояльцев они требовали исключительно в духовных камнях. В эти дни комнаты занимали в основном вольные заклинатели, прибывшие в город ради вступительных испытаний в знаменитую Академию Лулинь.

Чанмин не стал исключением. Три года он безуспешно искал своего беглого питомца, прочесав едва ли не каждый холм в Ичжоу и на Восточном континенте, но от Сэ Сяоци не осталось и следа. Осознав, что слепые поиски зашли в тупик, он решил сменить тактику, и тогда его взгляд упал на Академию Лулинь.

Поговаривали, будто в закрытых архивах академии хранятся древнейшие трактаты, где подробно описаны все существующие в поднебесной первородные духовные звери. Там наверняка отыскалось бы упоминание и о породе Сэ Сяоци.

В прошлом Чанмин даже обращался к искушенным в прорицании старцам, надеясь вывести местонахождение беглеца. Увы, для точного предсказания кривоватый набросок, сделанный его собственной рукой, не подходил. Требовались либо точные дата и время рождения, либо истинное имя цели. Но откуда Чанмину было знать, в какой именно час треснула скорлупа Сяо Тумао? Что же до имени, то в этой жизни птица так и не встретила со своим хозяином, а значит, ласковое «Сэ Сяоци» не имело никакой магической связи с ее душой.

Старый прорицатель долго вздыхал и качал головой, но едва Чанмин выложил на стол увесистый мешочек с духовными камнями, мигом подобрел и подсказал лазейку. Первородные духовные твари размножались крайне неохотно, и численность их видов всегда оставалась ничтожно малой. Если выяснить точное название породы Сяо Тумао, можно было провести ритуал по этому родовому признаку — шансы на успех выросли бы многократно.

Однако бестиарий поднебесной отличался пугающим разнообразием, а Сэ Сяоци к тому же уродился редкостным недоразумением и явно не принадлежал к числу прославленных тварей. Чанмин перерыл ворох свитков в десятках библиотек, но так и не нашел ничего похожего на своего замухрышку. Единственной надеждой оставалось книжное собрание Лулинь.

Накануне испытаний общий зал постоялого двора ломился от заезжих кандидатов. Никто и не думал зубрить правила или повторять трактаты. В делах постижения Дао прогресс измерялся годами упорного труда, так что пытаться ухватиться за уходящий поезд в последний вечер было делом глупым и бесполезным. Царила на удивление праздная обстановка.

Чанмин устроился за столиком у самого окна — отсюда было удобно наблюдать за оживленной улицей и одновременно слушать вполуха разговоры в зале.

Если утром, собравшись за первыми чашками чая, незнакомцы еще чинно напускали на себя важность и вели натяннутые споры о тонкостях циркуляции энергии, то к обеду, изрядно разбавленному вином и жирным мясом, все они разом сделались названными братьями и

перешли на откровенности.

— Да бросьте вы, — хмыкнул один из заклинателей, прихлебывая из пиалы. — Лично я притащился в эту академию вовсе не ради заумных лекций. Мне бы просто свести знакомство с наследниками крупных орденов.

За столом на мгновение повисла неловкая тишина, но вскоре раздались дружные понимающие смешки.

— А ведь брат Чэнь прав! — подхватил его сосед. — Быть вольным бродягой — доля незавидная. Без крепкого плеча великого ордена за спиной далеко не уедешь.

Эти слова заделали собравшихся за живое.

— И то верно! Мы хоть и зовемся бессмертными практиками, но до истинного вознесения нам как до луны. Обычные люди из плоти и крови.

— Да даже если ты полностью отказался от земной пищи и питаешься чистым эфиром, где этот эфир брать? Без хорошего источника и полных мешков духовных камней долго не протянешь!

Чанмин сделал глоток остывающего чая, окинув ленивым взглядом разгоряченных спорщиков. Все они причисляли себя к тем, кто ищет покоя и отрешения от мирской суеты. Но великое учение не могло в одночасье выжечь людские слабости — человеку по-прежнему требовалось теплое и безопасное место под крылом сильного покровителя.

Сам Чанмин, разумеется, в подобных подпорках не нуждался. В прошлой жизни он уложил в сырую землю более четырех десятков старейшин на стадии Великого Перехода. И пусть сейчас ему приходилось начинать все заново, смиренно играя роль праведного послушника, он не пал так низко, чтобы искать чужой милости.

Слушать дальше сплетни о том, кто из высокородных отпрысков соизволит прибыть на испытания, у кого из них нрав мягче и чьи сапоги выгоднее вылизывать, Чанмину быстро надоело.

Он отвернулся к окну. В этот миг небо над городом внезапно потемнело, словно на солнце набежала тяжелая туча. Чанмин поднял голову и увидел величественное зрелище: огромный, сияющий золотом летающий корабль, несомый плотным слоем радужных облаков, медленно опускался прямо над черепичными крышами Города Малого Моря, заслоняя собой небосвод.

Широкая каменная лестница перед воротами Академии Лулинь озарилась яркой лазурной вспышкой. Из мостовой с тихим гулом поднялась исполинская платформа из цельного нефрита, на которую мягко опустился киль небесного судна.

Над притихшим городом раскатился гулкий, чистый звон главного колокола — этот исполинский инструмент не подавал голоса без малого сотню лет. Звук буквально вибрировал в воздухе. Вслед за ним величественный, старческий голос провозгласил на всю округу:

— Приветствуем Птицу Чанмин!

Сначала по широкому трапу сошли десятки слуг и сопровождающих в роскошных одеждах. Когда же последние отголоски колокольного звона растаяли в небе, на палубе появился тот, ради кого все это затевалось. Окружавшая судно облачная дымка потянулась к его ногам, бережно свиваясь под каждым шагом в сияющие призрачные лотосы.

Чанмину невольно вспомнились недавние перешептывания за соседним столом:

«Самый почетный гость в этом году — Божественная птица Чанмин».

«Поговаривают, эти птицы в древности носили фонари перед ликом самих богов. Они способны зреть волю Небес, а кровь их чиста и священна. На всем белом свете их осталось лишь двое...»

«Эх, если бы хоть разок привлечь его внимание... подружиться с самим божеством...»

Взглянув на мечтательные физиономии своих будущих сокурсников, Чанмин мысленно покачал головой. Их надеждам не суждено было сбыться. Если даже сами небесные тучи услужливо стелились под ноги этому холеному созданию, можно было легко представить, в какой немыслимой роскоши и обожании оно росло. Заслужить благосклонность столь высокомерного существа обычной лестью было невозможно.

Наконец туман полностью растаял. Птица Чанмин сошла на нефритовую платформу и направилась к воротам академии. Обладая от природы феноменальным зрением, Чанмин все же не мог рассмотреть детали лица незнакомца сквозь защитную ауру, но отчетливо видел изящный силуэт в бирюзовом одеянии. Длинные иссиня-черные волосы струились по спине, а весь его облик дышал таким ледяным величием и безупречной чистотой, что казался абсолютно недостижимым для простых смертных.

<http://bllate.org/book/18249/1750580>